

Базовые понятия когнитивной лингвистики в их взаимосвязи

© доктор филологических наук Л. О. Чернейко, 2005

*По мере того, как знание дробится,
умножается и число точек соприкоснове-
ния между фактами, оставшимися до-
толе удаленными друг от друга.*

И. М. Сеченов

*Если слова «язык», «опыт», «мир» на-
ходят применение, оно должно быть столь
же непритязательным, как и использо-
вание слов «стол», «лампа», «дверь».*

Л. Витгенштейн

Введение

Цель современных лингвистических исследований состоит в том, чтобы через все многообразие реальных реализаций языка в речи (parole) прояснить необъятную сферу релевантных для культуры содержания (смыслов), всю область понятого и пережитого. Перенос акцента с изучения языка как системы с имманентной структурой (langue) на речевую деятельность (langage), структура которой во многом определяется личностными качествами говорящего (виртуальным и актуальным «пси-фактором»), его представлениями о слушающем («портретом адресата») и о себе («автопортретом»), их интересами и интенциями, социальным статусом и характером межличностных отношений, а также уровнем культуры общества в целом, привел исследователей к необходимости очертить границы сравнительно нового научного объекта под терминологическим названием *ДИСКУРС*. Разработка этого понятия необходима для определения семантического места термина в метаязыковой парадигме, в поле смежных с ним как относительно новых, так и проверенных временем терминов когнитивной лингвистики (и просто лингвистики): *КОННОТАЦИЯ*, *КОНЦЕПТ*, *КАРТИНА МИРА*, *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЯЗЫКА И РЕЧИ*.

Дискурс

1.1. В современной отечественной лингвистике отношение к этому объекту колеблется от его принятия (*Дискурс есть*) до полного отрицания (*Дискурса нет*). Но и среди тех, кто признает наличие дискурса как реальности, нет единства мнения ни по поводу означающего термина

ДИСКУРС (этимологически оправданная фонетическая форма – *дискурс*, не оправданная – *дискурс*), ни по поводу означаемого (8 понимающий термина со ссылкой на П. Серию представлено в учебнике М. А. Кронгауза «Семантика»).

Проблема дискурса входит в обширный круг обсуждаемых проблем реальности таких лингвистических объектов, как *УРОВЕНЬ*, *ФОНЕМА*, *ЗНАЧЕНИЕ*, *ТЕКСТ*, и подобных, составляющих основу языка науки о языке, метаязыка. Для тех, кто понимает *ДИСКУРС* как «коммуникативную ситуацию, включающую сознание коммуникантов и создающийся в процессе общения текст» [Моделирование... 1987: 41], дискурс не является произвольно построенным теоретическим (дедуктивным) конструктом в отличие, например, от текста. «То, что обычно понимается под термином «текст», – пишет А. Е. Кибрик, – это скорее артефакт лингвистической теории, нежели действительная сущность. «Текст вообще» есть гипотетический конструкт лингвистической теории» [Моделирование... 1987: 46].

Однако любой «объект вообще», а не только научный являет собой ментальное образование («конструкт», «артефакт»), локализованное в идеальном пространстве сознания и предназначенное для идентификации бесконечного множества дискретных объектов физического мира. Так что между «текстом вообще», или просто текстом как семиотическим образованием со своими особыми параметрами, и «дискурсом вообще», или просто дискурсом, феноменом, отличным и от текста, и от языка, онтологическое различие отсутствует: и то и другое – «артефакты лингвистической теории», сущности действительные, но идеальные, абстрактные, без которых невозможно познание такой материальной субстанции, как фиксированное во времени и пространстве говорение, т. е. принадлежащая каждому речь, созданный и создаваемый каждым говорящим конкретный текст.

Объективность существования любого этнического языка означает только его независимость от индивидуального сознания каждого носителя языка. Как писал В. Гумбольдт, «являясь по отношению к познаваемому субъективным, язык по отношению к человеку объективен, ибо каждый язык есть отзвук общей природы человека» [Гумбольдт 1984: 320]. Это свойство приравнивает язык к явлениям физического мира. Но язык, будучи сущностью идеальной, проявляется в речи и постольку соединяет в себе физическое и идеальное. Материальность означающего, сопряженная в актуальном знаке с идеальностью означаемого, обеспечивает внутренней жизни человека, происходящим в нем психическим процессам объективацию – их доступность чувственному восприятию (для другого – в акте коммуникации, для самого говорящего – в акте интроспекции). Тем не менее, являясь универсальной формой отображения и репрезентации мира, язык не доступен в своей целостности непосредственному наблюдению.

Поэтому все концепции устройства языка и прочих не данных в ощущениях объектов представляют собою гипотетические конструкции, отражающие определенную точку зрения исследователя и/или научного направления.

Термин любой науки, взятый в аспекте анализа его спонтанного употребления в текстах, в частности в окружении предикатов, составляет самостоятельный объект изучения, позволяющий раскрыть глубинную, интуитивную базу той научной концепции, которой придерживаются исследователи. Проблема моделирования лингвистических взглядов (концепций, теорий) является одной из актуальных проблем общей лингвистики и входит в нее на правах металингвистики.

В анализируемой концепции авторов достаточно широко цитируемой коллективной монографии «Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах» (1987) *ДИСКУРС* мыслится и как (а) «коммуникативная ситуация», и как (б) одна из составляющих «текущей ситуации текстообразования», которая в свою очередь является составляющей «текущего сознания», а сама состоит из речевых актов. Эта схема отношения понятий выводится из следующих контекстов: для (а) – приведенное выше определение и такая, например, синтагма – *фрагмент действительности (ФД), введенный в рассмотрение в данном дискурсе* [Моделирование... 1987: 41]; для (б) – *В текущем сознании Г (говорящего. – Л.Ч.) в качестве исходной информации содержатся сведения о всех составляющих текущей ситуации текстообразования, включая дискурс* [Моделирование... 1987: 45]; *Текст обычно изучается: <...> в отрыве от КС (коммуникативной среды. – Л.Ч.), в которую был погружен соответствующий дискурс* [Моделирование... 1987: 46]; *ФД и КС есть тот внешний мир, в который погружены коммуниканты мысленно и физически во время процесса языкового взаимодействия. Внутренним, важнейшим звеном этого процесса является дискурс и составляющие его РА (речевые акты. – Л.Ч.)* [Моделирование... 1987: 41].

Подчеркнутые предикаты, через которые дискурс обнаруживает свои свойства в рамках рассматриваемой концепции, являются объективным источником информации о сути самой концепции. Определение термина *ДИСКУРС* одновременно через коммуникативную ситуацию, сознание коммуникантов и текст представляется избыточным, поскольку метаединицы *СОЗНАНИЕ* и *ТЕКСТ* являются импликатурами терминологического сочетания *КОММУНИКАТИВНАЯ СИТУАЦИЯ*: трудно себе представить коммуникативную ситуацию, в которую не вовлечено сознание коммуникантов (в противном случае это бред), еще

труднее – ту, в которой не рождается текст (нормальный, бредовый или абсурдный). Сокращение импликатур в приведенном определении делает дискурс тождественным коммуникативной ситуации, что означает избыточность самого термина *ДИСКУРС* или, по крайней мере, первого из двух выделенных исследователями значений.

Кроме того, экзистенция коммуникативной ситуации не тождественна экзистенции дискурса: *СИТУАЦИЯ* – это социальный квант физического пространства и времени, тогда как *ДИСКУРС* может пониматься не иначе, как инструмент познания этих квантов, взятых в их максимальной совокупности, как способ их анализа, подобно лингвистическому понятию *УРОВЕНЬ*, введенному в науку с целью классификации множества разнообразных явлений, охватываемых термином *ЯЗЫК*, «в соответствии с определенным логическим принципом» [Бенвенист 1974: 129]. С этой точки зрения, *ДИСКУРС* – теоретический конструкт, реальность эпистемологическая, фиксирующая такую ненаблюдаемую сущность, которая в рамках рассматриваемой концепции [Моделирование... 1987] получила название «составляющая текущего сознания». Однако вопрос о специфике этой составляющей в рамках монографии остается открытым.

Применение предложенного метода анализа к концепции дискурса М. Фуко позволило бы выявить «лингвистический портрет» термина *ДИСКУРС*, что стало бы надежной основой для моделирования его точки зрения на проблему. Подобная работа явилась бы масштабным научным исследованием оригинальных текстов автора, на фоне которого можно было бы оценить такие предлагаемые им логические формулировки термина, как: 1) «Будем называть дискурсом совокупность высказываний постольку, поскольку они принадлежат к одной и той же дискурсивной¹ формации» [Фуко 1996: 117]; 2) «Это совокупность анонимных исторических правил <...>, которые установили в данную эпоху и для данного социального, экономического, географического или лингвистического пространства условия выполнения функции высказывания» [Фуко 1996: 118]. Как сово-

¹ Французское прилагательное *discursif*, -ve имеет значение ‘рассудочный’ в противоположность интуитивному (*la connaissance, la methode – discursive*) и дается в словарях с пометой «специальное». Русский эквивалент этого прилагательного – *ДИСКУРСИВНЫЙ* – является компонентом аналитического термина русской философии *ДИСКУРСИВНОЕ МЫШЛЕНИЕ*, который появился в ней задолго до термина *ДИСКУРС* и не имеет к его лингвистическому пониманию прямого отношения. Поэтому семантически мотивированной формой производного прилагательного этого термина следует признать *ДИСКУРСНЫЙ*. Предлагаемая аргументация позволяет избежать смешения двух прилагательных, которое часто встречается в лингвистических текстах. Последовательно прилагательное *ДИСКУРСНЫЙ* употребляется в [Квадратура смысла 1999].

купность всего высказанного дискурс представляет собой материальную субстанцию, но ничем не отличается от текста. Как совокупность неосознаваемых говорящими правил, позволяющих осуществиться высказыванию («сказаться» и быть понятым или хотя бы услышанным), дискурс является субстанцией идеальной, выявляемой в результате исследования речи, взятой в аспекте ее отношения к коллективному и индивидуальному сознанию, в частности к мировоззрению. С этой точки зрения, дискурс реален как эпистемологическая сущность, как особый инструмент познания речи в заданном аспекте.

Термин *ДИСКУРС* схватывает реально существующие сложные связи языка (общего для всех членов социума кода), культуры (исторически конкретного образа жизни социума, форм его деятельности, включая речевую, которые основаны на символической способности человека) и индивидуального сознания (психической способности человека переживать и интерпретировать информацию о событиях внешних и внутренних). Дискурса нет как физической субстанции, дискурс реален (есть, существует) как особая идеальная субстанция и как ее гипотетический коррелят (научная модель), вводимый термином *ДИСКУРС*, без которого субстанция не стала бы реальностью для научного сознания.

1.2. Многочисленные попытки терминологизации понятия *ДИСКУРС* в современной лингвистике оставляют открытым вопрос о месте этого понятия в ряду традиционных *ЯЗЫК* и *РЕЧЬ*. Как представляется, объективный ответ на этот вопрос может быть получен на пути лексикографической обработки лингвистических текстов, посвященных проблеме дискурса, а также тех, где этот термин употребляется спонтанно. При изучении полученных конкордансов термина *ДИСКУРС* особенно информативными являются те контексты, где его замена терминами *ЯЗЫК* и *РЕЧЬ* невозможна или проблематична. Именно они задают «легитимный уровень формализации» (М. Фуко) термина.

Даже далекое от полноты описание сочетаемости трех рассматриваемых терминов выявляет определенную закономерность: есть зона индивидуальной сочетаемости каждого термина, выявляющая их семантическую специфику, и зона пересечения сочетаемости. Так, например, все три термина свободно сочетаются с относительными прилагательными, обозначающими сферу профессиональной деятельности человека: *научный, политический, медицинский // язык, дискурс, речь*; с именем отправителя речи: *язык, дискурс, речь субъекта*; с пространственным предлогом *в*: *в языке, в дискурсе, в речи X-а*. При этом каждый термин в этих одинаковых условиях контекста сохраняет свою семантическую индивидуальность. Например, *политический язык* как обслужи-

вающая данную сферу деятельности виртуальная система знаков противостоит *политической речи* – совокупности всего сказанного и высказываемого в устной и письменной формах на определенном этапе жизни общества, а также *политическому дискурсу*, который есть не что иное, как определенная идеология (идеология власти), направляющая политическую речь тех, кто ей привержен.

Если в контекст, где все три термина возможны и при этом сохраняют свою семантическую самостоятельность (сильная позиция), ввести идею времени, термин *ЯЗЫК* оказывается семантически невозможным: *в ходе развертывания дискурса / речи / *языка; независимо от течения дискурса / речи / *языка*. Невозможен он и во множестве других контекстов, где актуализируется идея не языка-кода (системы), а речевой деятельности (языка-процесса): *адекватный ответ на этот дискурс; в секрет шифра речи включен дискурс другого* – Ж. Лакан; *каждый из участников дискурса имеет свой план поведения; фаза дискурса* – Е. А. Кибрик. В контекстах *конкретный дискурс, упорядочивающий сознание* (Ж. Лакан) и *коннотация является неотъемлемой частью текста дискурса* (О. Г. Ревзина) невозможны ни термин *ЯЗЫК*, ни термин *РЕЧЬ*. При этом есть контексты, где все три термина находятся в отношениях свободного варьирования в позиции семантической нейтрализации: *дискурс субъекта приобретает характер бреда* (Ж. Лакан).

Если взять политическую речь современной России, то она подчинена законам основных сложившихся в ней политических дискурсов (либерального, коммунистического). В одном из писем Платона находим следующее рассуждение: «Ведь, право, у каждого политического строя, как и у разных живых существ, свой собственный язык: один у демократии, другой у олигархии, а еще иной – у монархии. Надеюсь, он (ученик Платона Евфрей. – Л. Ч.) найдет оправдание для монархии не хуже тех, кто составляет твое окружение» [Платон 1994: 473]. Различие между языком «разных живых существ» (идиолектами) и разных социально-политических систем (дискурсами) опирается на оппозицию «субъективность ↔ intersубъективность»; общность между ними, на которой строит свое сравнение Платон, состоит в отсутствии тождества как между идиолектами, так и между дискурсами, хотя и те и другие используют общий код.

1.3.1. Без языка нет дискурса, но, как представляется, *ДИСКУРС* – это не «проявление речевой деятельности», «многообразной» и «разнородной» (Ф. де Соссюр), и не сама речевая деятельность, а ее важнейший фактор. Говорящий, рассуждая о каком-либо явлении, берет слова

из общего всем кода (языка), что, по словам Э. Бенвениста, позволяет каждому говорящему «как бы присваивать себе язык целиком» [Бенвенист 1974: 296], в чем и проявляется субъективность («Я») в языке. Но выбор слов и их соединение в линейной последовательности, подчиняясь логике причинно-следственных отношений, подчиняются (а) мировоззрению говорящего и его мироощущению (духовному укладу личности) и (б) укоренившемуся в культуре способу осмысления интенционального явления и рассуждения о нем.

Первая составляющая дискурса (а) – это *ДИСКУРС СУБЪЕКТА*.

В связи с определением этого понятия представляются важными следующие положения концепции В. Гумбольдта: «многое в строе периодов и речесложении (здесь и далее подчеркнуто мною. – Л. Ч.) не сводится, однако, к законам, а зависит от каждого говорящего или пишущего» [Гумбольдт 1984: 106]; «каждую человеческую индивидуальность, даже независимо от языка, можно считать особой позицией в видении мира» [Гумбольдт 1984: 80]; «индивидуальное миропонимание и мировосприятие <...> заявляют о своих правах» [Гумбольдт 1984: 170]. Бесспорно, речь индивидуальна, в ней проявляется личность говорящего. Однако в бесконечной вариативности, «особости» позиций видения мира выделяются инварианты мировосприятия и миропонимания. Насколько «мир счастливого отличен от мира несчастного» [Витгенштейн 1994: 71], насколько «мир меланхолии» отличается от «мира мании» [Фуко 1997: 277], а «мир болезни» [Фуко 1998: 30] – от «мира здоровья», настолько различны и дискурсы этих миров («дискурс бреда» и «дискурс разума» [Фуко 1997: 249]).

Обоснование выделения понятия *ДИСКУРС СУБЪЕКТА* опирается прежде всего на концепцию известного представителя французской школы анализа дискурса П. Серио, предложившего обстоятельную аргументацию разграничения понятий *ЯЗЫК – ДИСКУРС – РЕЧЬ* в монографии 1985 года, посвященной анализу советского политического дискурса ([Seriot 1985]). В разделе «Дискурс не есть речь» (*Le discours n'est pas la parole*) П. Серио пишет: «Высказывания подчинены правилам селекции, комбинации и оформления, подчинены они особого рода принуждениям, которые не являются проявлением свободного индивидуального творчества² [Seriot 1985: 51]. При этом «порядок дискурса – это порядок *излагаемого*, того, что может и должно быть высказано» (*l'ordre de l'énonçable, de ce, qui "peut et doit être dit"* [Seriot 1985: 52]).

² «Les énoncés sont soumis à des règles de sélection, combinaison et enchâssement, à des contraintes spécifiques qui ne sont pas uniquement du ressort de la pure créativité individuelle» (перевод мой. – Л. Ч.).

Разделяя точку зрения одного из основоположников французской школы анализа дискурса М. Пешё, логическую спецификацию понятия *ДИСКУРС* П. Серио видит в том, что оно лишает говорящего центральной роли для его включения в функционирование высказываний, текста. Условием такого включения являются «идеологические образования» (*des formations idéologiques* [Seriot 1985: 52]). Иными словами, дискурс как реалья речевой деятельности социума является принуждающей мировоззренческой³ силой индивидуального речетворчества, неким неписаным законом вербализации принимаемых личностью убеждений.

О диктате такой составляющей индивидуального сознания, как мировоззрение (идеологической составляющей), писал в лекциях 1933 года З. Фрейд: «Мировоззрение – это интеллектуальная конструкция, которая единообразно решает все проблемы нашего бытия, исходя из некоторого высшего предположения, в которой в соответствии с этим ни один вопрос не остается открытым, а все, что вызывает наш интерес, занимает свое определенное место» [Фрейд 1989: 399]. Но любая культура располагает не единственной, а потому и не единой для всех «интеллектуальной конструкцией», приводящей к всеобщему «единообразию» отношений членов социума с миром, их имперсонализации. По замечанию З. Фрейда, наука, религия, философия «имеют равные притязания на истину, и каждый человек свободен выбирать, откуда ему черпать свои убеждения, во что верить» [Фрейд 1989: 401]. И с этой точки зрения, культура обеспечивает каждого не только общим инструментом передачи информации о мире, языком как кодом, но и определенным набором идеологем как инвариантов отношения к миру, его видения. Русский язык «знает», что то или иное мировоззрение *принимается*, становится персональным только в том случае, если оно *разделяется*, т. е. черпается из общего для многих источника.

Духовный уклад личности включает в себя доминантную эмоциональную установку в отношении к миру, сформированную на основе принимаемой системы ценностей, а также его видение, понимание, которые направляют индивидуальную речь в каждом акте говорения и обнаруживаются в ней как инвариантные «пси-факторы» (термин построен по аналогии с термином «пси-функция» из: [Моделирование... 1987]). В конкретном акте говорения проявляются и актуальное психическое состояние личности, и индивидуальное понимание конкретной

³ Говоря о тяготении русской простонародной речи к диминутивам, С. С. Аверинцев отмечал, что «за ними может стоять целое мировоззрение – “каратаевское” (люди тихие, маленькие)» [Аверинцев 1977: 176].

ситуации (актуальный «пси-фактор»), однако диапазон варьирования конкретных психических состояний задается эмоциональной и рациональной доминантами.

Следует еще раз подчеркнуть, что эмоциональное отношение к миру и его понимание как иррациональная и рациональная возможности интерсубъективны, инвариантны в рамках одной культуры. И равное количеству людей количество взглядов на мир (их множество, их вариативность) определяется комбинацией присущих культуре мировоззренческих инвариантов⁴, выявить которые – одна из основных задач когнитивной лингвистики, в частности лингвистики дискурса.

В. Гумбольдт писал: «Даже люди одного направления ума, занимающиеся одинаковым делом, различаются в своем понимании дела и в том, как они переживают на себе его влияние». При этом «индивидуальные особенности коренятся в изначальном духовном укладе» [Гумбольдт 1984: 165]. Духовный уклад конкретной личности, взятый в его отношении к речепорождению, может быть определен через совокупность инвариантных «пси-факторов», направляющих индивидуальную речь и проявляющихся в ней как дискурс субъекта. Таким образом, *ДИСКУРС СУБЪЕКТА*, обнаруживаемый в индивидуальной речи каждого носителя языка, по своей сути интерсубъективен, имперсонален.

1.3.2. Вторая составляющая дискурса (б) – это *ДИСКУРС ОБЪЕКТА*, аналогичный «бессубъектному дискурсу» в концепции О. Г. Ревзиной, в соответствии с которой «язык пользуется человеком»⁵, а не «человек пользуется языком» [Ревзина 1999: 26]. *ДИСКУРС ОБЪЕКТА* – сложившийся культурный код, в котором явление, конституируя себя как область знания, «распространяет» о себе информацию в социуме через предикаты имени, говоря словами М. Хайдеггера, «выходящего навстречу» субъекту объекта.

Диктат вербализованного опыта «общения» социума с явлением (предметом материальным и идеальным), обусловленный исторически конкретным представлением о нем, направляет индивидуальную рече-

⁴ Для сравнения мысль Ж. Лакана: вы радуетесь встрече с кем-либо, кто говорит на том же языке, что и вы, не потому, что вы встретились с ним в рамках общего дискурса, а потому, что вы связаны с ним особым словом (*vous lui êtes uni par une parole particulière*) [Лакан 1995, 68].

⁵ В своей «Нобелевской лекции» (1987 год) И. Бродский сформулировал следующую мысль: «Поэт всегда знает, что то, что в просторечии именуется голосом Музы, есть на самом деле диктат языка; что не язык является его инструментом, а он – средством языка к продолжению своего существования» [Бродский 1992: 191–192].

вую деятельность. В концепции М. Фуко дискурс определяется, в частности, как язык практики. Об этом же в своих лекциях писал А. Р. Лурия: «Язык, который сначала был глубоко связан с практикой, вплетен в практику <...>, постепенно стал отделяться от практики и сам стал заключать в себе систему кодов, достаточных для передачи любой информации» [Лурия 1998: 25]. Практика, опыт человека в определенной сфере деятельности не могли не оставить свой след в языке этой сферы. И след этот – в сложившейся практике «думания» об обыденных или научных объектах, в практике вербализации представлений о них. *ДИСКУРС ОБЪЕКТА*, как и язык, – «нечто социальное по существу и независимое от индивида» [Соссюр 1977: 57], но это не осознаваемый субъектом intersubъективный посредник между объектом, на котором сфокусировано внимание субъекта, т. е. интенциональным объектом, и речью об этом объекте, а также продуктом речи – текстом.

И *ДИСКУРС СУБЪЕКТА*, и *ДИСКУРС ОБЪЕКТА* состоят между собой в сложных отношениях, которые требуют специального изучения. Однако нельзя не согласиться с утверждением Ж. Лакана, что «конституирование объекта подчинено реализации субъекта» [Лакан 1995: 62]. Ведущая роль в дискурсе потому принадлежит субъекту, что бессознательный или сознательный выбор и интенционального объекта, и ракурса его видения, и общей «идеологии» жизни, и собеседника, а также выбор между говорением и молчанием всегда остаются за субъектом. И одна из основных задач исследования дискурса состоит, по мнению М. Фуко, именно в том, чтобы «найти в нем поле регулярности различных позиций субъективности» [Фуко 1996: 56], «пространство множества разногласий» [Фуко 1996: 155], того «скрытого массива мысли, игры репрезентаций», которые «анонимно протекают между людьми» [Фуко 1996: 137] и по существу являются их точками зрения, а не «собственно знания», скорее их заблуждениями, нежели истинами, скорее «менталитетом», нежели «формами мысли» [Фуко 1996: 137].

Соотнеся термины *ЯЗЫК* и *ДИСКУРС* по их общему семантическому основанию «обеспечение коммуникации», можно сделать вывод, что *ЯЗЫК* в его ипостаси *РЕЧЬ* – материальная сторона коммуникации (инструмент, средство, «тело»), тогда как *ДИСКУРС* – ее intersubъективная идеальная сторона (но скорее «душа», чем «ум», бессознательное, а не рациональное). И если язык обслуживает широкую социальную среду, то дискурс обслуживает определенный мир этой среды, упорядочивая сознание каждого и создавая сознание коллективное (включающее и коллективное бессознательное), что невозможно без мировоззрения, без идеологии в ее широком понимании, лишенном

политических коннотаций. Важное теоретическое положение французской школы анализа дискурса, как его формулирует П. Серио, состоит в том, что дискурс не является «первичным и эмпирическим объектом: имеется в виду теоретический (конструированный) объект, который побуждает к размышлению об отношении между языком и идеологией» [Серио 1999: 27].

1.4. Итак, термин *ДИСКУРС* применим, по крайней мере, к двум факторам речевой деятельности, которые направляют речь каждого члена культурного сообщества: это мировоззрение (включающее и мироощущение) как обобщенное представление о мире (в научном познании оно принимает форму модели понимания мира), которое базируется на восприятии мира и обуславливает эмоциональное отношение к нему.

Хотя конкретным субъектом мировоззрения является личность, оно по своей природе intersubjectively, инвариантно, поскольку многих объединяет и разделяет. У мировоззрения такая же интегрально-дифференциальная функция в социуме, как и у языкового знака по отношению к внеязыковой действительности. При этом речь каждого направляется не только философией жизни, но и психотипом личности, между которыми существует сложная связь. В сравнении с обыденным фатическим вопросом *Как жизнь, что хорошего?* вопрос *Что плохого?*, который задает всем при встрече меланхолический персонаж Кира Булычева, можно считать нетипичным, но психологически вполне мотивированным.

Направляет речь говорящего и сама ситуация, а именно то, как говорящий ее понимает, т. е. образ ситуации. Главный фактор в ней – адресат, каким говорящий его себе представляет, т. е. образ адресата, или, более привычное сочетание, «портрет адресата»: это конкретный собеседник, а также реальная или потенциальная аудитория, представление о которой говорящий имеет и реакцию которой может спрогнозировать. Реклама драгоценностей из глянцевого журнала *Измерь успех в каратах* выглядела бы неуместной на страницах журнала «Работница» или «Крестьянка». Важнейший «диктатор» индивидуальной речи – логика и мифология интенционального объекта, а также «мифология адресата».

Всеми этими факторами и определяется сочетаемость термина *ДИСКУРС*. Его атрибуция охватывает: 1) характеристику субъекта (единичного и множественного) по социальным параметрам: *дискурс каждого из кандидатов, дискурсы оппонентов* = «вербализация политической платформы»; *лингвистический, литературоведческий, медицинский, естественнонаучный дискурс* = «множественный профессионально ориентированный субъект, ограниченный рамками дисциплины»;

2) характеристику объекта, мифологизированного под субъект: *дискурс жизни, свободы, хаоса, порядка, закона*; 3) характеристику ситуации, которая метонимически предстает как субъект: *дискурс выборов, борьбы, победы, поражения*.

Становится ясно, почему нельзя сказать **воровской дискурс*, но можно сказать *дискурс диссидентов, дискурс андеграунда*. Система, сознательно противопоставившая свою идеологию, свою систему ценностей общепринятой идеологии, но оставшаяся в рамках общего культурного кода, создает свой дискурс. Социальная система, создавшая свой язык и тем самым полностью противопоставившая себя господствующей культуре, стоит вне законов этой культуры.

Для дискурса не актуальны такие параметры, как возраст, и связанные с ним социальные характеристики: проблематичны синтагмы *взрослый дискурс (дискурс взрослых)* и *детский дискурс (дискурс детей)* и вовсе невозможны (а если и возможны, то комичны) синтагмы **дискурс пенсионеров, дошкольников, *детсадовский дискурс*. В пресуппозицию сочетания *детский дискурс* входит информация о возрасте детей, обеспечивающая семантическую базу (мотивацию) сочетанию, зоной референции которого является речевая деятельность детей, уже являющихся носителями данной культуры, т. е. тех, кто имеет направляющее речевое представление о мире. Эта способность проявляется у детей не раньше шести лет.

Что же касается профессиональных характеристик субъекта дискурса, то ограничения на сочетаемость термина с именами профессий и родов деятельности (например: **административный, коммунальный, сельскохозяйственный, спортивный, рыболовецкий дискурс*) задаются особенностями существующих сфер деятельности. Термин *ДИСКУРС* свободно сочетается с названиями тех родов деятельности человека, объект которых теоретичен по своей сути (греческое слово *theoria* означает 'наблюдение, исследование'). Метафизический, умозрительный характер объектов наблюдения (язык, социум, человек, личность), а также физические объекты, природа и сущность которых не могут быть определены однозначно (квант, поле, кварк, галактика), рожают диалог взглядов на их суть и структуру, оседающий в культурной памяти в виде того языка, на котором объект заставляет о себе говорить в рамках избираемой исследователем концепции (*ДИСКУРС ОБЪЕКТА*), что и обуславливает атрибутивную сочетаемость термина: *научный, социологический, философский, физический, лингвистический дискурс*.

Наблюдается некоторая закономерность в распределении относительных прилагательных и мотивирующих их существительных при

термине *ДИСКУРС*. Если в фокусе внимания говорящего находится научный объект, а речь о нем направляется «принципом дисциплины», то избирается прилагательное – *лингвистический дискурс, компьютерный дискурс*. Если же внимание говорящего фокусируется на субъекте научного мировоззрения, то избирается существительное – *дискурс лингвистов, дискурс компьютерщиков*.

Термин *ДИСКУРС* связывается только с прилагательным в том случае, если субъект растворен в интенциональном объекте, как, например, верующий в своей религии, в Боге, что и является семантическим обоснованием сочетания *религиозный дискурс*. Имя субъекта при термине *ДИСКУРС* (*дискурс управленца/ев, путешественника/ов*) имеет меньше ограничений, чем прилагательное объекта (**управленческий дискурс*), что свидетельствует, как уже отмечалось, о приоритете дискурса субъекта над дискурсом объекта и об отсутствии во многих сферах человеческой деятельности как самого доминантного интенционального объекта, так и, естественно, его языка.

Таким образом, *ДИСКУРС* – это не язык, т. е. не общий для всего социума код (реально существующая знаковая система, служащая для хранения и передачи информации), и не речь, т. е. не индивидуальная реализация общего кода, обеспечивающая коммуникацию. *ДИСКУРС* – это вербализованный идеологический посредник между индивидуальной речью (идиолектом) и языком-кодом, это вербализованное мировоззрение, говорящее бессознательное, это речь, направляемая субъективными представлениями о мире, в которых обнаруживаются инварианты картины мира (обыденной, научной, философской, религиозной, поэтической).

Если идиолектов в рамках единого языка столько, сколько его носителей, то дискурсов намного меньше, поскольку дискурс intersубъективен. Каждый носитель культуры находится в сложных социальных связях с другими носителями, поэтому в пределах одного идиолекта вычленяются разные дискурсы. Но и в пределах одного дискурса могут вычленяться разные страты. Когда говорят об обыденном дискурсе, его противопоставляют научному, поэтическому, философскому, религиозному. Обыденный дискурс является базовым для любой культуры, достигшей определенного уровня цивилизации, так как отражает накопленный поколениями опыт стихийного постижения действительности и представляет собой вербализацию обыденной картины мира со всей ее логикой и мифологией. Однако обыденный дискурс отнюдь не гомогенное образование: «обыденность» верхних слоев общества (элиты) и его нижних слоев разная, поскольку различаются системы ценностей, что

отражается, например, в пословице *У кого жемчуг мелкий, а у кого щи жидкие*. А различия в системе ценностных ориентаций микросоциума определяют различия представлений о мироустройстве, т. е. различия в картине мира.

Профессиональный дискурс – необходимая составляющая идиолекта в силу того, что человек говорящий (*homo loquens*) является одновременно и человеком производящим, делающим (*homo faber*). Сложившиеся в той или иной профессиональной среде представления о мире диктуют определенные синтагматические связи слов, семантическое согласование которых мотивируется этими представлениями.

Если, следуя завету Ф. Соссюра, «встать на почву языка и считать его основанием (*попте*) для всех прочих проявлений речевой деятельности» [Соссюр 1977: 47], то можно сказать, что *ДИСКУРС* – это intersубъективная духовная составляющая личности, направляющая ее речевую деятельность и обнаруживающая себя в речи как «составляющая текущего сознания». Другими словами, *ДИСКУРС* – это вербализованное мировоззрение, выступающее по отношению к речи как диктат смысла, ценности: субъект речевой деятельности через присвоенный им общий код (язык) оречевляет направляемое «присвоенной» им идеологией свое видение и понимание интенционального явления в границах принятой в данной культуре его символизации. Все другие значения термина *ДИСКУРС* представляются метонимически производными.

Коннотация

2.1. В основе *ДИСКУРСА ОБЪЕКТА* лежат те обыденные представления о явлении (фрагменте материальной и идеальной действительности), которые сложились в культуре данного социума и предшествуют речи любого ее члена. С этой точки зрения, они объективны. Но по отношению к существующему явлению они субъективны, поскольку отражают интерпретацию явления и его свойств коллективным сознанием социума и формируют мнение (неверифицируемое знание) о нем. Поэтому в дискурсе субъекта «вещь звучит» не «реицентрически», согласно собственной природе, а «антропоцентрически», согласно «культурным» представлениям о ней.

Интерпретативность явлений и событий на языковом уровне проявляется в их метафоризации – способности мыслить о явлении X-основном субъекте метафоры через предикаты имени явления Y-вспомогательного субъекта метафоры. Эта универсальная способность человека обнаруживает себя прежде всего в сфере непознаваемой сущности явлений, «трансценденталий». По словам Й. Хейзинги, «там, где

говорится о непознаваемой сущности вещей, каждое слово есть образ» [Хейзинга 1995: 225].

В *ДИСКУРСЕ ОБЪЕКТА-ВЕЩИ*, т. е. мира физического, метафоризация является факультативным по сравнению с прямой номинацией способом мышления о фрагментах этого мира, ее образной «альтернативой»: *Туман скрывал поля, съедал снег.* (И.А. Бунин. Деревня); *И Чанг, лежа под столом, слушает все это в тумане хмеля, в котором уже нет более возбуждения.* (И.А. Бунин. Сны Чанга); *Ветер снег съедает.* (В.И. Даль). В *ДИСКУРСЕ ОБЪЕКТА-ИДЕИ*, т. е. мира невидимого, включающего осязаемое и умопостигаемое, метафоризация является часто безальтернативным, единственным способом мышления о фрагментах этого мира.

Так, сложившиеся в русской культуре представления о том, что такое жизнь, какой она должна быть и какая она есть, суть «мифологемы» жизни, принадлежащие обыденному сознанию русскоязычного социума: – *Жизнь вашу теорию подтвердила?* – Конечно, и не раз. (А. Арканов. «7 дней»); *Жизнь его сломала. Все-таки 10 лет провести на лесоповале – это очень тяжело. Жизнь как-то прошла мимо него.* (В. Зайцев. «7 дней»); *Я желаю вам не терять вкуса к жизни. Мы прививаем его вам с понедельника по пятницу.* (Павлов-Андриевич. ТВ); *Лекарство от жизни.* (ТВ); *Остаются сироты. Они практически выпадают из жизни.* (С. Шустер. ТВ); *Все герои Некрошюса – это не справившиеся с жизнью люди.* (ТВ); *Да он просто вычеркнул это из своей жизни. Начать жизнь набело.* (Разговор). Подчеркнутые слова (это в основном предикаты), эксплицируя мифологемы жизни, позволяют их моделировать.

Мифологема, бессознательно избираемая социумом (микросоциумом) как доминантная, становится идеологемой. Но «жизнь» – понятие умозрительное, схватывающее все многообразие существования каждого и представляющее его как единое для всех. Именно поэтому вокруг него и других экзистенциально значимых понятий существует ореол мифологем, с которыми связана не одна идеологема.

Разные «идеологии» жизни направляют разговоры о жизни, примером чего может быть стихотворение А. Макаревича «Вагонные споры»: *Один говорил: «Наша жизнь – это поезд», Другой говорил: «Перрон». Один говорил, мол, мы – машинисты, Другой говорил: «Пассажиры».* Оречевление в репликах, вербализация разных воззрений на жизнь (идеологий жизни), разных пониманий ее сущности и рождает дискурс жизни. Диалог (полемика, спор) доминантных идеологем культуры, их дискурсы и составляют ее живую ткань.

2.2. Основа любой мифологемы – «коннотативное означаемое» (термин Р. Барта). Метафоризация опирается на более общую способность человека к символизации – бесконечной интерпретации знака, которая и определяет его конкретно-исторический смысл. Парадокс состоит в том, что бесконечность интерпретации знака-символа не означает ее произвольности. Границу произвольности (*resp.* мотивированности) интерпретации знака-символа очерчивают коннотации стоящей за ним идеи, т. е. узаконенные культурой ассоциативные представления о ней.

По сложившейся в лингвистике традиции под *КОННОТАЦИЕЙ* понимается любой дополняющий предметно-логическое (денотативное) содержание слова компонент, обладающий экспрессивностью (образный, эмоционально-оценочный) и, как следствие, стилистической маркированностью. В существующих определениях *КОННОТАЦИИ* в качестве дифференциального признака термина отмечается либо несущественность (плюс устойчивость) коннотируемого компонента значения [Апресян 1995], либо его дополнительность (сопутствующее значение, со-значение – статья В. Н. Телии в «Словаре лингвистических терминов», 1990), что соответствует значению латинского этимона термина.

Однако такой распространенный в филологии подход к пониманию и определению *КОННОТАЦИИ* объективно не может быть единственным, поскольку он отражает позицию слушающего, получателя речи, а не говорящего. *КОННОТАЦИИ* с позиции слушающего (с точки зрения пассивной грамматики) можно и должно противопоставить обоснование ее понимания с позиции говорящего (с точки зрения активной грамматики). В ставшей классической статье В. А. Успенского «О вещных коннотациях абстрактных существительных» 1979 года под *КОННОТАЦИЕЙ* абстрактного существительного понимается тот материальный предмет, с именем которого оно связано в речи (тексте) общностью предиката [Успенский 1997: 151], что выявляет глубинную, существующую в сознании носителей языка ассоциативную связь идеи и материальной вещи. Следовательно, ‘поезд’ – одна из коннотаций жизни, т. е. один из материальных предметов, с которым идея жизни связывается в русском сознании, ‘телега’ – другая коннотация жизни (А.С. Пушкин. Телега жизни), объединенные общей мифологемой ‘движение’.

Необходимо ограничивать присущие обыденному сознанию проекции абстрактной сущности на фрагменты материального мира («вещи») и от поэтических, и от научных, но это уже другая проблема. Важно, что вещные проекции абстрактной идеи «жизнь» принадлежат русскому

коннотативному коду, вскрываются через сочетаемость имени идеи и с позиции активной грамматики (с позиции говорящего) являются не дополнительными ассоциативными смыслами абстрактного имени в речи, а предшествующими речи ассоциативно-образными представлениями о реалии (идее, вещи), мотивирующими ее оречевление. Следует отметить, однако, что подобные рассуждения относительно позиции говорящего являются обращенной формой позиции слушающего: только готовый продукт речи – текст открывает доступ к моделированию стратегий и тактик говорящего.

Анализ семантики термина *КОННОТАЦИЯ* также требует исследования его сочетаемости (спонтанных употреблений) в научных текстах, так как именно она обнаруживает глубинную, интуитивную основу научного концепта, формализуемую в виде логической дефиниции. Например, глагол «возникать» в контексте *круг связанных со словом судьба ассоциаций, возникающих на основе его сочетаемости*, взятом из научной статьи [Перцова 1990], обнаруживает то понимание коннотации, которое присутствует в научном сознании исследователя, но которое в тексте статьи не формулируется. Автор, полагая, что разделяет точку зрения В. А. Успенского, которому посвящена статья, рассуждает о коннотации с позиции слушателя, ибо только с этой позиции верно, что коннотации (ассоциации) слова «*возникают на основе его сочетаемости*» [Перцова 1990: 97] (разбивка моя. – Л. Ч.). С позиции говорящего коннотации направляют сочетаемость абстрактного слова, мотивируют ее, а с позиции исследователя языка – обнаруживают, проявляют себя в сочетаемости. Глаголы «возникать», «направлять» и «обнаруживать» эксплицируют разные позиции научного сознания в отношении к одному и тому же факту – наличию образного ореола абстрактной сущности и, соответственно, имени этой сущности в коллективном бессознательном носителей культуры и проявлению его в речи.

2.3. Специфику коннотативной системы языка Р. Барт видел в том, что она использует «знаки другой системы в качестве означающих» [Барт 1994: 303], т. е. означающим коннотативной системы является система денотативная. Коннотативными означающими («коннотаторами» – термин Р. Барта) имени «жизнь» являются знаки денотативной системы: те же «поезд», «телега» и многие другие, в которых идея жизни воплощается как транспортное средство. При этом, как представляется, совсем необязательно, чтобы коннотатор был эксплицирован, как в приведенных контекстах *жизнь – поезд* и *телега жизни*. Он часто представлен имплицитно: в сочетаниях абстрактного имени с дескриптив-

ными прилагательными и глаголами физического действия, например, *вычеркнуть из жизни*, где жизнь = 'текст', *выпасть из жизни*, где жизнь = 'гнездо'.

Что же касается коннотативного означаемого (назовем его «коннотат»), то оно, в соответствии с концепцией Р. Барта, «обладает всеобъемлющим, глобальным, расплывчатым характером: это – фрагмент идеологии» [Барт 1975: 159]. И действительно, в стихотворении А. Макаревича происходит спор двух идеологий жизни, всеобъемлющих, но не «расплывчатых», а вполне рельефных: идеологии жизни как свободы движения и идеологии жизни как зависимости от колеи, пути.

В концепции коннотации Р. Барта доминирует идея, что коннотативное означающее (коннотатор) – само знак [Барт 1975: 157]. Логическим следствием этой идеи является определение Р. Бартом коннотативной системы как «вторичной» по отношению к денотативной, но такой, в которую денотативная система (естественный язык) включена своим означающим. Из этого заключения явствует, что коннотация базируется на означаемом коннотатора. В простом сочетании двух денотативных знаков, соединенных в синтагме *кружево листвы*, знак «кружево» выступает как коннотация листвы ('кружево'). Означающее этой коннотации (коннотатор) равно имени «кружево», а ее означаемое (коннотат) – 'узорчатость'. Следует заметить, что коннотативное означающее состоит в отношениях синонимии с синтагматическим денотативным означающим – словом «листья» и в отношениях омонимии с парадигматическим денотативным означающим – словом «кружево» в его буквальном значении.

Можно сделать гипотетический вывод: если означаемым денотативной системы языка является любой семиотизированный (выделенный знаком) фрагмент материальной и идеальной действительности (субстанция, свойство, отношение), то означаемое коннотативной системы – всегда аспект, характеристика, параметр, т. е. акциденция, которая вставлена в рамку оценки. Но в языке, в языковой деятельности картина не заканчивается рамкой, а начинается с нее, иными словами, выбор «коннотата денотата» (точнее, коннотата референта), т. е. закрепленной в культуре ассоциации того или иного явления действительности, обусловлен как минимум индивидуальным отношением к нему говорящего. По коннотату референта слушающий «считывает» позицию говорящего.

Пример из речи телеведущего: *Как быстро сдулась наша оппозиция* (ТВ 14.12.03). Референтом абстрактного имени «оппозиция», занимающим позицию подлежащего в высказывании (и референтом высказывания), является правое оппозиционное движение России, а положением

дел, о котором информирует высказывание (диктумом), оказывается ситуация, сложившаяся в рядах правых после их проигрыша на выборах в Государственную Думу в декабре 2003 года. Но вовсе не об этом информирует нас говорящий. Он выражает свое отношение не к факту, не к «положению дел», а к правой оппозиции как явлению политической жизни России. Это явление вызывает у говорящего негативную оценку (она выражается синтаксически, интонационно и лексически), а особенности поведения правых после выборов, очевидно, известные говорящему, позволяют ему спроецировать правую оппозицию на материальный предмет, вещь в русле доминантной оценки. Такая проекция и есть коннотация явления (в данном случае – правой оппозиции) с точки зрения говорящего (активной грамматики) и коннотация слова «оппозиция» (точнее, словосочетания «правая оппозиция») с точки зрения слушающего (пассивной грамматики).

Присутствующие в сознании говорящего оценка явления и согласующаяся с ней образная ассоциация (коннотация) направляют речь говорящего и обуславливают семантическую и грамматическую структуру высказывания: соответствующие замыслу синтаксис (инверсия) и адекватные ему просодические средства (интонация, эмфатическое ударение). Именно они позволяют слушающему сфокусировать свое внимание на реме высказывания (*быстро сдулась*).

Что же является коннотатором (означающим) коннотации в данном высказывании? Их два: эксплицитный – «быстро сдулась» и имплицитный, выводимый из первого, – «воздушный шарик», надувная игрушка. А почему не летательный аппарат «воздушный шар»? Ответ подсказывает здравый смысл: только воздушный шарик сдувается быстро и не вызывает ни у кого, кроме маленьких детей, причин для печали. Имплицитная коннотация «*воздушный шарик*» абстрактного словосочетания «правая оппозиция» имеет свое означаемое (коннотат): «нечто несерьезное, декоративное, ненужное». Такая коннотация есть проявление определенного, но не единственного существующего в социуме политического взгляда на правую оппозицию. Коннотации, воплощающие разные идеологии одного явления, становятся основанием разных дискурсов.

Р. Барт противопоставляет коннотацию и метаязык на том основании, что обе системы, будучи вторичными по отношению к естественному языку, ориентированы на разные стороны языкового знака: в коннотативной системе естественный знак служит означающим, а в метаязыке – означаемым. Но поскольку коннотация возможна только на базе денотации (после нее или вместе с ней), постольку она является выра-

жением метаязыковой функции языка в понимании Р. Jakobson [Якобсон 1975]. Можно сказать, что в коннотации (в первую очередь это относится к вещным коннотациям абстрактного имени) соединяются две из выделенных Р. Jakobsonом функций языка – экспрессивная и метаязыковая.

Концепт

3.1. Термин *КОНЦЕПТ* в отечественной лингвистике не так давно отделился от термина *ПОНЯТИЕ* и является одним из основных терминов когнитивной науки. Этой проблеме уделено достаточно много внимания в [Чернейко 1997]. Но в связи с теми вопросами, которые рассматриваются в настоящем исследовании, необходимо сделать некоторые добавления и уточнения.

В коллективной монографии «Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира» 1988 г. (далее: [ЯКМ]) Е.С. Кубрякова трактует *КОНЦЕПТ* широко, определяя его как «разносубстратную единицу оперативного сознания» [ЯКМ 1988, 143]. В «Кратком словаре когнитивных терминов» 1996 г. (далее: [КСКТ]) трактовка этого понятия столь широка, что собственно лингвистическое содержание его становится трудно уловимым. Из словарной статьи в три страницы выделю лишь то, что представляется главным: термин *КОНЦЕПТ* – «оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (*lingua mentalis*), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [КСКТ 1996: 90].

Вопросы о семантическом соотношении терминологических сочетаний «единицы памяти», «ментальный лексикон», «концептуальная система», «язык мозга», «картина мира» и о семантической мотивированности сочинительной связи между ними, а также о сочетаемости термина *КОНЦЕПТ*, эксплицирующей представление авторов словаря о нем как о «кванте знания», в рамках которого разрешены (мотивированы) синтагмы типа концепты этих деревьев даны прежде всего образно, самые важные концепты кодируются именно в языке, концепты как интерпретаторы смыслов [КСКТ 1996: 91], концепты возникают в процессе построения информации об объектах [КСКТ 1996: 90], требуют специального рассмотрения, побуждают к научной дискуссии. Приведу лишь некоторые критические замечания.

Словарная статья не дает четкого отграничения термина *КОНЦЕПТ* от смежных с ним и представленных в статье терминов *ИДЕЯ*, *ПОНЯТИЕ*, *СМЫСЛ*, *ЗНАЧЕНИЕ*. Если «значением слова становится концепт, схваченный знаком» [КСКТ 1996: 92], то является ли концептом то, что знаком не схвачено? Если является, то возникает ряд других вопросов: возможна ли в таком случае связь концепта (а) с ментальным лексиконом как «компонентом языка» [КСКТ 1996: 97] и (б) с передачей информации.

В статье «Информация» авторы словаря пишут: «Фундаментальное значение имеет и тот факт, что знание, чтобы быть переданным другому человеку, должно концептуализироваться в языковые формы», а информация должна быть представлена в «голове в виде ментальных репрезентаций» [КСКТ 1996: 35]. И снова недоумение: если концепт – это «наше все», а в переводе на русский язык синтагма «концептуализироваться в языковые формы» означает не что иное, как вербализацию содержания, его материализацию в языке, его «о-форм/л-ение», то получается тавтология (в лучшем случае): концепт как неозначенное нечто концептуализируется в процессе семиозиса.

В понятии *ИНФОРМАЦИЯ* для лингвистики важны два ее существенных аспекта. *ИНФОРМАЦИЯ-А* – это «данные из» (= получаемые в первую очередь невербально): информация о мире как результат его отображения в психике человека (актуально – в виде перцепции «здесь и теперь», фоном которой является апперцепция: прежний опыт, отлитый в представления и понятия). *ИНФОРМАЦИЯ-Б* – «данные в» (= сообщаемые в первую очередь вербально): информация, которую человек передает другому. Если *ИНФОРМАЦИЯ-А* имеет разные идеальные формы существования в психическом мире человека, то *ИНФОРМАЦИЯ-Б* немислима без кода.

Два положения заслуживают особого внимания. Первое: у концепта, по мнению авторов словаря, есть «ментальные репрезентации другого (по-мимо языкового кода. – Л.Ч.) типа – образы, картинки, схемы» [КСКТ 1996: 91]. На это положение возможно возражение: эти репрезентации когниции не являются формами ее объективации. Они, являясь феноменами индивидуального сознания, бессознательного⁶ как его составляющей, не могут быть переданы другому вне означивания. При этом знаками объективации когниции (знания, представления, смысла) не обязательно являются знаки языковые, но обязательно знаки как материально-идеальные сущности. Само сознание как общее с другим, интересубъективное знание (со-знание) материализуется в коде, в знаке.

Второе: Е. С. Кубрякова пишет, что «в сознании человека многие фрагменты действительности представлены образами, и многое может попасть в поле его зрения и быть увиденным (и понятым) без наличия для него специального обозначения» [Кубрякова 2004, 305]. Что касается «увиденного», то безымянное действительно можно увидеть, но вряд ли его можно понять. Путь к пониманию лежит через именованное: «в сознании нет пустых форм, как нет и не получивших названия понятий» [Бенвенист 1974: 92]. Об этом свидетельствуют процессы освоения мира ребенком и адаптации взрослого к миру другой культуры. Как показывает, например, практика полевых диалектологических наблюдений, встреча с неизвест-

⁶ Ср.: «Бессознательное бывает только у существа говорящего» [Лакан 2000: 11]. Это означает, что бессознательное включает в себя неосознаваемое знание, которое проявляется не в дефинициях слов, а в первую очередь – в их несвободной сочетаемости.

ным фрагментом физической действительности (а только она и доступна зрению) начинается с вопроса *А что это такое?*, ответом на который является имя вещи, ибо только имя, по словам А. Ф. Лосева, «поднимает вещь, которой оно принадлежит, в сознание» [Лосев 1993: 817]. Именно имя «переносит в сферу смысла всю вещь как таковую, со всем ее алогическим содержанием и со всем ее логосом» [Лосев 1993: 817]; ср.: «Всякий предмет существует для человека только тогда, когда он им осознается, когда входит в его мысль и выражается словом» [Буслаев 1941: 173]. Вряд ли правомерно утверждать, что мы знаем вещь, если не знаем ее имени, и что, зная имя, уже знаем вещь, стоящую за ним. Однако знание имени вещи обеспечивает возможность получения знания о вещи.

Бесспорно, что «в памяти человека нередко всплывают целые эпизоды, с языком не связанные», и что в ней «есть место несловесным образам» [Кубрякова 2004: 305]. Память индивидуума заполнена самыми разнообразными фрагментами его опыта. Однако их осознание, их участие в формировании смыслов и передаче этих смыслов другому без универсального знака-слова невозможно, потому что «без слова и имени человек – вечный узник самого себя, по существу и принципиально анти-социален» [Лосев 1993: 642]. И что же, как не результат вербализации «темной зоны» сознания (подсознания, бессознательного), кроется за довольно распространенной в научном дискурсе номинативной синтагмой «светлая зона сознания».

КОНЦЕПТ – это инструмент познания и моделирования памяти как одной из составляющих сознания, обеспечивающей хранение информации и ее воспроизведение. За этим термином стоит такое представление об устройстве памяти, которое выражается в постулировании особой (статической в отличие, например, от *ФРЕЙМА*) когнитивной структуры сознания, хранящей в знаке знания и представления носителей определенной культуры о явлениях внеязыковой действительности.

КОНЦЕПТ как когнитивная структура сознания не может не иметь форм объективации. Иными словами, у этой структуры есть как содержание (представления о значимых для культуры на определенном этапе ее развития феноменах физической и идеальной действительности, получающие статус смыслов), так и материальная форма. Различия в подходе к определению сущности концепта кроются в характере объективации смысла, но раскрыть и описать когнитивные структуры сознания можно только через их материализацию в культуре, в частности через такой универсальный код, каким является язык.

Логика П. Абеляра, который первым (XII век) ввел это понятие в философию, отражает одно из направлений в современной интерпретации концепта. Отстаивая идею превосходства вещи над логикой, пытающейся ее постичь и выразить в понятии, П. Абеляр именно в кон-

цепте усматривал связь вещи с речью⁷ о ней [Абеляр 1995], проясняющей не столько логику рассудка, сколько интуицию разума. При таком подходе единственной формой объективации значимых смыслов вещи является ее имя, «схватывающее» (*лат.* *conceptus*), сводящее воедино эти смыслы вещи, выражающиеся в речи о ней (а для говорящего – направляющие ее). И с этой точки зрения, *КОНЦЕПТ* – это имя (субстантив), собравшее в пучок всю стоящую за ним в данной культуре информацию о значимом явлении, как логическую (понятийную, рациональную), так и сублогическую (коннотативную, чувственную) [Чернейко 1997: 179-218 и 283-315]. Аспект понимания и трактовки *КОНЦЕПТА* П. Абеляром и его последователями может быть определен как «семасиологический».

СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ – это инструмент моделирования денотативно-коннотативного пространства «ключевых слов» (А. Вежбицкая) культуры, «важнейших слов лексики» (Э. Бенвенист), а также всех тех («важных»), в содержание которых включаются помимо денотативных коннотативные смыслы, способные направлять «разговоры» о соответствующем означаемому внеязыковом явлении, т. е. создавать дискурсы объектов.

3.2. КОНЦЕПТ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ есть не что иное, как «основополагающее понятие» культуры, «как бы сгусток культуры в сознании человека» [Степанов 2001: 43]. Это те доминантные смыслы, которые воплощаются в разных кодах культуры: в слове, звуке, цвете, материальном предмете (ср.: «Концепты могут «парить» над «словами» и «вещами», выражаясь как в тех, так и в других» [Степанов 2001: 44]). Отличительная черта *КОНЦЕПТА* по сравнению с *ПОНЯТИЕМ* состоит, по мнению Ю. С. Степанова, в том, что «концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений» [Степанов 2001: 43].

Хотя Ю. С. Степанов считает концепт и понятие «явлениями одного порядка» [Степанов 2001: 43], но в обозначенном аспекте различающимися, тем не менее он дает такое определение термину *КОНЦЕПТ*, которое сближает его с пониманием семасиологическим: «Тот «пучок» представлений, понятий, знаний, ассоциаций, переживаний, который сопровождает слово закон, и есть концепт «закон»» [Степанов 2001: 43] (подчеркнуто мною. – Л. Ч.).

Важно еще раз отметить, что *КОНЦЕПТ* – это реальность познания, а не бытия, реальность эпистемологическая, посредством которой изу-

⁷ Ср.: «Тайна слова заключается именно в общении с предметом и с другими людьми» [Лосев 1993: 642].

чается отношение сознания к действительности (видения, понимания, интерпретации), как оно выражено в языке (в его материальной ипостаси – речи). Будучи вторичной (моделирующей) идеальной сущностью, концепт имеет сложную структуру. Однако задача исследователя в том и состоит, чтобы модель объекта, явления была проще самого явления, но непременно ему адекватна. Для лингвистики *СЕМАСИОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ* представляется более простой моделью глубинного ассоциативного пространства любого ключевого для культуры слова, моделью, которая опирается на материальную сторону знака, что и обеспечивает ей необходимую для модели объективность и адекватность.

Языковая картина мира

4. Под этим терминологическим сочетанием скрывается отношение коллективного сознания к действительности, зафиксированное в языке. Означаемые денотативной и коннотативной систем языка в совокупности с означаемыми его грамматической системы являются особой онтологией культуры – *ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНОЙ МИРА*, исторически-конкретным панорамным видением мира, включающим представления о его устройстве, существующую систему ценностей, мифологемы и идеологемы.

Для когнитивной лингвистики общим местом является положение о том, что «каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (= концептуализации) мира», что «выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка» [Апресян 1995: 350]. И «только сознание, не обладающее языком, способно постигать вещи так, как они реально существуют» [Дэвидсон 2003: 260]. За терминологическим сочетанием *ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА* носителей определенной культуры стоит их целостное представление об устройстве мира и месте человека в нем («образ мира, в слове явленный» – Б. Пастернак), обеспечивающее адаптацию каждого к действительности и предопределяющее его действия, речевые в первую очередь.

Более широкое понятие *КАРТИНА МИРА* представляет собой абстракцию более высокого уровня, за которой стоит совокупность взглядов носителей определенной культуры на мир, обуславливающих, мотивирующих их действия. *ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА* как «принудительная философия» всей культуры равна *ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЕ ЯЗЫКА*. Что же касается *КАРТИНЫ МИРА*, то она может рассматриваться и как совокупность инвариантов мировоззрения, приня-

тых в культуре, и как мотивация индивидуальных действий, в том числе речевых, т. е. как *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА РЕЧИ*.

ОБРАЗ МИРА и *КАРТИНА МИРА* – глубинные (бессознательные) intersубъективные составляющие культуры, манифестирующие себя не только в языке, но и в других ее информационных кодах: искусстве, ритуалах, обрядах. Как идеальные сущности они «бытийствуют» только в материальных манифестациях. Различие между ними можно видеть в том, что картина мира, задавая способ действия, является динамичной, тогда как образ мира статичен.

Терминологические сочетания *МОДЕЛЬ МИРА* и *КАРТИНА МИРА* дублетами не являются, хотя и философы (например, «Предложение – картина действительности», «Предложение – модель действительности, какой мы ее видим» [Витгенштейн 1994: 19]), и филологи (например, монография «Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира») не проводят между ними семантической демаркационной линии. Разграничить их следует как обозначения разных типов идеальной (не данной в ощущениях) действительности: *ЗА КАРТИНОЙ МИРА* стоит действительность ненаблюдаемая, но объективная, а за *МОДЕЛЬЮ МИРА* – действительность наблюдаемая, но субъективная, которая является результатом познания этой действительности и его формализацией.

Единство *ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА* – фикция. На это указывал В. Гумбольдт: «Для народов, чьи самобытные черты мы можем устанавливать лишь по отдельным элементам их языка, редко удастся или даже вообще не удастся набросать связную картину их духовного склада». За это трудное дело можно браться лишь там, где «нация отразила свое миросозерцание в более или менее обширной литературе, и оно запечатлелось в языке так, как это возможно лишь в контексте связной речи» [Гумбольдт 1984: 168]. Поэтому адекватная языковой картине мира ее модель выглядит не как единое «полотно» (это метафора-гипербола), а как совокупность отдельных фрагментов – концептов. Как пишет Т. В. Цивьян, «в самом общем виде ММ (модель мира. – Л. Ч.) определяется как сокращенное и упрощенное отображение всей суммы представлений о мире в данной традиции, взятых в их системном и операциональном аспекте» [Цивьян 1990: 5].

Если относительное единство *ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА* определяется относительным единством языка, то единство картины мира представляется утопией, так как никакого мировоззренческого

единства в социуме не наблюдается. Возможно и необходимо⁸ лишь выделение базовых мировоззренческих инвариантов, о которых уже говорилось, например, таких: мир – это *'театр'* (или пьеса определенного жанра: трагедия, комедия), *'хаос'*, *'порядок'*, *'гармония'*; природа – это *'храм'*, *'мастерская'*, негиббемый *'противник'*, которого надо *'покорить'*; человек – *'царь'*, *'раб'*, *'червь'*, *'Бог'*. Эмпирическое разнообразие существующих жизненных позиций может моделироваться как комбинаторика этих инвариантов, которые следует выявлять и описывать, если наука хочет создать лингвистику дискурса.

Из сказанного вытекает, что картины мира, как и языковой картины мира, не существует вне означивания, вне семиозиса. Только коды у картины мира, как и у «ономасиологического» концепта, разные: этический, эстетический, философский, научный, религиозный, а у языковой картины мира один: язык. Модели мира не существует вне научной, этической или эстетической рефлексии (концепции, теории). Можно говорить, что рассматриваемые терминологические сочетания *КАРТИНА МИРА* и *МОДЕЛЬ МИРА* соотносятся как обозначения объективной и субъективной реальностей культуры. За первой стоит объективное идеальное бытие. Вторая предстает как гипотеза ее устройства. Модель мира складывается из семантических и грамматических концептов. А поскольку в науке существует не единственная «концептуализация» концептов, постольку любой единой онтологии (не только картине мира) соответствуют ее разные гипотезы, научные версии.

Внутренняя форма слова (языка, речи)

5.1. В связи с актуальными для современной лингвистики проблемами знания о мире, включающими неизбежно также представления о нем, и вербализацией этих знаний особую важность приобретает понятие *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА*.

Введенное В. Гумбольдтом как *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЯЗЫКА* это понятие оказалось у него неэксплицированным. Тем не менее содержание его выводимо из таких рассуждений, как, например: «Фантазия и чувство рожают индивидуальные образования, в которых отражается индивидуальный характер нации» [Гумбольдт 1984: 101]; «Все чувственное и телесно-индивидуальное проистекает из столь многих причин, что возможности его градаций неисчислимы» [Гумбольдт 1984: 101]; «изобилие выражений, присущих определенной направленности духа» [Гумбольдт 1984: 105] и самое главное: «Было бы, впрочем, односторонне думать, будто национальное своеобразие духа и характера проявляется только в обра-

⁸ В выявлении «различий самих мировидений» заключается «конечная цель всякого исследования языка» [Гумбольдт 1984: 319].

зовании понятий; оно оказывает столь же сильное влияние и на построение речи» [Гумбольдт 1984: 105]; «гораздо больше, чем в отдельных словах, интеллектуальное своеобразие наций дает о себе знать при сочетании слов в речи. Мы видим ту подлинную картину хода мысли и сцепления идей, за которыми речь не в силах поспеть, если язык не располагает необходимым богатством и широкой свободой сочетания своих элементов» [Гумбольдт 1989: 182].

Если внутренняя форма слова, как ее определяет В. Гумбольдт, эквивалентна не «чувственно-воспринимаемому предмету», а тому, «как он был осмыслен речетворческим актом в конкретный момент изобретения слова» [Гумбольдт 1989: 103], то внутренняя форма языка эквивалентна языковой картине мира, как она явлена и в лексике, и в грамматике.

Способ думания о вещи и разговоров о ней, сложившийся в «культурной практике вещи», прочно вплетен в язык. «Ранний» Л. Витгенштейн (автор «Логико-философского трактата» 1921 г.) считал, что «имя обретает значение лишь в контексте предложения» [Витгенштейн 1994: 13] и что значение слова равно его употреблению. Однако «поздний» Л. Витгенштейн (автор «Философских исследований» 1953 г.) предлагал не такое радикальное решение проблемы «значение – употребление»: «Нет смысла говорить о соответствии» («понятного мне значения слова понятному для меня смыслу предложения» или «значения одного слова значению другого»), если считать, что «значение слова и есть то употребление, каким мы его наделяем» [Витгенштейн 1994: 134].

Различие между изучением значения слова и изучением употребления слова, значение которого известно, Д. Дэвидсон видит в том, что «в первом случае мы узнаем что-то о языке, а во втором случае мы узнаем что-то о мире» [Дэвидсон 2003: 344]. Но и изучая значения слов, т. е. постигая лексикон своего или чужого языка, человек приобщается к тем знаниям о мире, которые выработала культура и сохранила в значениях слов.

Во внутренней форме слова так же, как и в его употреблении, в его сочетаемости, отражается такая информация о мире, которая «упакована» в представление о нем. Различие состоит в том, что во внутренней форме слова отражается отношение к миру предшествующих поколений (в этимоне – представление других народов, если слово заимствовано), а в индивидуальном употреблении – определенное мировоззрение, та или иная идеология. И посредником между индивидуальной речью (употреблением слов), отображающей некоторое положение дел «здесь и

теперь», и общим языком-кодом является дискурс, означаемое которого – одна из присущих данной культуре картина мира, а означающее – высказывание (и его отдельные синтагмы). Как пишет В.Н. Телия, отношение говорящего к миру, представленное во «вторичных наименованиях» (*раб страстей, терпение лопнуло, собачий холод*) и являющееся их основанием, или мотивом, «выражено внутренней формой (слова, сочетания слов, высказывания – вплоть до отрезков текста)» [Телия 1986: 19].

Представления каждого человека о мире и о его собственном месте в нем, которые складываются в субъективную картину мира (в картину мира субъекта) из присущих культуре «логем» и мифологем, являются внутренней формой его речи. Если иметь в виду, что в речи индивидуума место семантической мотивации соединения слов в синтагматической цепи занимает мотивация прагматическая, опирающаяся на избираемую говорящим идеологию явления, в основе которой лежит одна из его коннотаций (закрепленных в культуре ассоциаций), то можно сказать, что именно *ДИСКУРС СУБЪЕКТА* (мировоззрение, картина мира и направляемая ею речь) является *ВНУТРЕННЕЙ ФОРМОЙ РЕЧИ*.

5.2. К решению проблемы мотивации связей слов в речи факторами внешней по отношению к говорящему действительности можно подойти с позиций Р. Барта. Он писал: «Поскольку миф – это слово, то мифом может стать все, что покрывается дискурсом. Определяющим для мифа является не предмет сообщения, а способ, которым он высказывается» [Барт 1996: 233]. И далее: «Мифом может быть все <...>, ибо наш мир бесконечно суггестивен. Любой предмет этого мира может из замкнутого существования перейти в состояние слова, открыться для усвоения обществом» [Барт 1996: 234]. Если миф – это не содержание высказывания, а способ его представления в высказывании, не «что», а «как», то применительно к языковому выражению он равен его внутренней форме.

О внутренней форме слова как о способе представления содержания знака в его внешней форме задолго до Р. Барта писал А. А. Потебня. Известно, что в концепции А. А. Потебни внешней формой слова является его материальная сторона, звучание («членораздельный звук»), тогда как внутренняя форма («ближайшее этимологическое значение слова») – именно «способ, каким выражается содержание» [Потебня 1922: 145]. Анализируя обозначения заработной платы в разных языках (*жалованье, apptuit, pensio, gage*), А.А. Потебня отмечает, что «внутренняя форма каждого из этих слов по-разному направляет мысль» [По-

тебня 1922: 145]. Если содержание слова (означаемое) является его идеальной стороной, а звучание («членораздельный звук») – стороной материальной, то внутренняя форма слова (и любого знака) как посредник между звучанием и содержанием представляет собой идеально-материальную сущность. Таким образом, *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА* – это гносеологический образ явления, положенный в основу его наименования. Им может быть как объективно присущее явлению свойство (*желток, одуванчик, попутчик*), так и приписанное ему креативным сознанием носителей языка (*остолбенеть, пень, проныра*).

Связь между индивидуальной речью (внешняя форма коммуникации) и содержанием, которое в речи выражается (содержание коммуникации), опосредуется *ВНУТРЕННЕЙ ФОРМОЙ РЕЧИ* – той индивидуальной картиной мира, которая мотивирует и селекцию единиц языка, и их комбинацию. Круг замыкается: *ДИСКУРС*, включая в себя *ДИСКУРС СУБЪЕКТА* (в его основе – мировоззрение, идеология) и *ДИСКУРС ОБЪЕКТА* (в его основе – сложившиеся в культуре *КОННОТАЦИИ* явления), представляет собой вербализованную *КАРТИНУ МИРА* социума; картина мира говорящего, складывающаяся из мировоззренческих инвариантов культуры, направляет его речь, мотивируя и селекцию единиц языка и их комбинацию, и представляет собой *ВНУТРЕНнюю ФОРМУ РЕЧИ*. Очевидно, центром интересубъективного ядра картины мира говорящего является вербализованная (в рамках семиотизированной) картина мира того микросоциума, которому говорящий принадлежит или с которым он себя идентифицирует, т. е. *ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА*, а точнее, субъязыковая.

Как «внешняя форма нераздельна с внутреннею, меняется вместе с нею, без нее перестает быть сама собою, но тем не менее отлична от нее» [Потебня 1922: 145], так и речь индивидуума (а) «нераздельна» с дискурсом в силу того, что каждый человек – член определенного социума и как таковой обязан соблюдать «ритуалы социальной представительности» [Барт 1996: 237], (б) меняется вместе с дискурсом, в который индивидуум попадает или который он сам выбирает, (в) существует только на фоне уже сказанного, на фоне чужого слова, из которого создает неповторимое (или клишированное) свое. Важно только не упускать из вида, что непосредственной эмпирической реальностью является речь, а дискурс – это инструмент ее познания. Этот инструмент ценен тем, что с его использованием «умножается число точек соприкосновения между фактами, остававшимися дотоле удаленными друг от друга» [Сеченов 2001: 230]. Именно понятие *ДИСКУРС* позволяет свести воедино такие базовые понятия когнитивной лингвистики, как *КОН-*

НОТАЦИЯ, КОНЦЕПТ, ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА, а главное – определить место старому понятию *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЯЗЫКА* и в сопряжении с ним предложить новое – *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА РЕЧИ*.

Заключение

ДИСКУРС – это такой аспект рассмотрения речи, в котором язык соразмерен и интенциональным объектам индивидуума и социума, и ценностным смыслам культуры. Обнаруживаемые в индивидуальной речи интересубъективные принуждения и являются дискурсом. Предложенная терминологизация научного объекта *ДИСКУРС* строится на двух понятиях: *КОННОТАЦИИ* – закрепленном в культуре интересубъективным представлении о феномене, направляющем его оречевление, и *ПСИ-ФАКТОРЕ* – мировоззрении (рациональном, логическом отношении к миру, формирующем определенный образ мыслей) и мироощущении (эмоциональном, аксиологическом отношении к миру, формирующем определенный «образ чувств»), а также актуальном состоянии (настроении) субъекта, определяющем его индивидуальную речевую стратегию. Ведущим оказывается *ПСИ-ФАКТОР* («как думать»), поскольку в нем меньше формально-семантических принуждений, чем в *КОННОТАЦИИ* («как говорить»). Диктат инвариантных идеологем («образа мыслей», «образа чувств») проявляется в речи как *ДИСКУРС СУБЪЕКТА*, а диктат коннотаций – как *ДИСКУРС ОБЪЕКТА*.

Экспликация *КОННОТАЦИЙ* – алгоритмически решаемая задача, хотя коннотативное пространство феномена (*resp.* его имени) незамкнутое и вследствие этого изменчивое. В качестве модели коннотативного пространства имени данной культуры выступает *КОНЦЕПТ*, являющийся совокупностью логических и сублогических (образных и аксиологических) представлений культуры о том или ином феномене, которые выводятся исследователем из речевого поведения его имени.

Понятия *ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА* и *ЯЗЫКОВАЯ МОДЕЛЬ МИРА* соотносятся как обозначения объективной (онтологической) и субъективной (гносеологической) реальностей культуры: через модель познается картина мира. Что касается связи *ЯЗЫКОВОЙ МОДЕЛИ МИРА* и *КОНЦЕПТА*, то концепты являются ее фрагментами.

ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА СЛОВА соизмерима с *КОННОТАЦИЕЙ*, *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА ЯЗЫКА* – с *ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНОЙ МИРА*, а *ВНУТРЕННЯЯ ФОРМА РЕЧИ* – с *ДИСКУРСОМ*, с интересубъективной идеологией (*КАРТИНОЙ МИРА* субъекта), мотивирующей селекцию и комбинаторику единиц языка в речи индивидуума.

Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей / Отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. – М.: МАКС Пресс, 2005. – Вып. 30. – 260 с. ISBN 5-317-01585-5

Л и т е р а т у р а

- Абеляр П.* Теологические трактаты. М., 1995.
- Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М., 1977.
- Апресян Ю.Д.* Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Барт Р.* Основы семиологии // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
- Барт Р.* Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1994.
- Барт Р.* Мифологии. М., 1996.
- Бенвенист Э.* Общая лингвистика. М., 1974.
- Бродский И.* Набережная неисцелимых. М., 1992.
- Вежбицкая А.* Понимание культур через посредство ключевых слов. М., 2001.
- Витгенштейн Л.* Философские работы. М., 1994.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
- Дэвидсон Д.* Истина и интерпретация. М., 2003.
- Квадратура смысла.* Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- Кронгауз М.А.* Семантика. М., 2001.
- Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г.* Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996. (КСКТ)
- Кубрякова Е.С.* Язык и знание. М., 2004.
- Лакан Ж.* Функция и поле речи и языка в психоанализе. М., 1995.
- Лакан Ж.* Телевидение. М., 2000.
- Лосев А.Ф.* Бытие – имя – космос. М., 1993.
- Лурия А.Р.* Язык и сознание. М., 1998.
- Моделирование языковой деятельности в интеллектуальных системах / Под. ред. А. Е. Кибрика и А. С. Нариньяни. М., 1987. (Моделирование... 1987)*
- Перцова Н.Н.* К понятию «вещной коннотации» // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М., 1990.
- Платон.* Собрание сочинений в 4-х тт. Т. 4. М., 1994.
- Потебня А.А.* Мысль и язык. Гл. X. ПСС. Т. 1. Одесса, 1922.
- Ревзина О.Г.* Язык и дискурс // Вестник Моск. ун-та. Сер. 9. Филология. 1999. № 1.
- Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. М., 1988. (ЯКМ)*
- Серио П.* Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. Французская школа анализа дискурса. М., 1999.
- Сеченов И.М.* Элементы мысли. СПб., 2001.
- Соссюр Ф.* Труды по языкознанию. М., 1977.
- Степанов Ю.С.* Константы: Словарь русской культуры. М., 2001.
- Телия В.Н.* Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986.
- Успенский В.А.* О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. Вып. 35. М., 1997.
- Фрейд З.* Введение в психоанализ. Лекции. М., 1989.
- Фуко М.* Археология знания. Киев, 1996.
- Фуко М.* История безумия в классическую эпоху. СПб., 1997.
- Фуко М.* Рождение клиники. М., 1998.
- Хейзинга Й.* Осень Средневековья. Соч.: В 3-х томах. Т. 1. М., 1995.
- Цивьян Т.В.* Лингвистические основы балканской модели мира. М., 1990.
- Чернейко Л.О.* Лингво-философский анализ абстрактного имени. М., 1997.
- Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975.
- Seriot P.* Analyse du discours politique soviétique. Paris, 1985.